

le. Perché, anche prescindendo dall'approssimazione delle misurazioni — difficili sempre, specialmente in questo caso, per la corrosione e le frammentarietà di molti blocchi, e il loro speciale profilo in arco di cerchio — che valore possono avere, in questo tentativo di restituzione d'ordine architettonico, che, secondo l'A., posa su «dati matematici oggettivi», i numerosi blocchi mancanti, sostituiti da blocchi ipotetici, con volute e incassi graficamente ricomposti? Inoltre, le proporzioni di metope e pilastri variano, è vero, ma non in modo assoluto, cioè non si può affermare che ogni metopa abbia proporzioni diverse: esistono più metope (e più incassi) delle stesse, identiche misure, come ad esempio — scegliendo sempre dalla Tav. VII — le metope III, XVIII, XXXII, XLV con la larghezza di m. 1,15; le metope II, XIII, XVIII, XLI di m. 1,17. E allora come giustificare, per un dato incasso, la scelta di una delle quattro metope della stessa misura? L'A. adotta una soluzione di compromesso: combina cioè il suo lavoro di raccordo con i dati del Tocilescu (che aveva seguito il filo conduttore del luogo di ritrovamento delle metope intorno a gran corpo cilindrico) e arriva alla conclusione che l'ordine già stabilito dal Tocilescu riceve una conferma decisiva dai suoi calcoli.

Ma è evidente che con questa soluzione siamo ben lunghi da una certezza «decisiva» come afferma l'Autore — basata su cifre e calcoli. La via da seguire invece ci viene suggerita, sia pure indirettamente, proprio dal Florescu o, meglio, dalla sua interessante «scoperta» cui sopra accennavo che egli però non mette affatto in rapporto con il suo tentativo di raccordo: i due punti di partenza e d'arrivo del fregio d'acanto che si debbono immaginare alle estremità di un diametro ideale del gran corpo cilindrico. Di tale diametro ignoriamo, per il momento, l'orientamento: ma è certo che due centri presup-

pongono, anzi impongono un punto di partenza e un punto d'arrivo dell'azione raccontata nei quadri isolati delle metope — una grande battaglia e una vittoria dei Romani sui barbari — quindi una logica successione di esse, come già sosteneva fra gli altri, lo studioso romeno Teohari Antonescu (*Le trophée d'Adamklissi*, p. 65 ss. Tav. III; *Columna Traiana* pp. 150—152). Riconosco che nello stabilire questa successione logica degli avvenimenti, cioè nel fissare i punti essenziali di una battaglia tra Romani e barbari, i punti possono divergere e ci troviamo di nuovo sulle sabbie mobili delle ipotesi. Ma appare certo ormai — d'una certezza che potremmo definire anche noi matematica — che, come il fregio d'acanto, le scene figurate si muovevano in direzioni opposte, convergenti verso un centro; e uno studio attento delle scene rappresentate (tenendo conto dello schema narrativo adottato nella contemporanea colonna traiana) combinato a un raccordo più precisamente architettonico dei vari pezzi, ci può permettere di avvicinarci alla verità.

Stabilire l'orientamento dell'asse ideale dal quale si dipartiva e verso il quale convergeva il ricco fregio del trofeo; misurare tutti i blocchi superstiti con i precisi mezzi fotogrammetrici offerti dalla tecnica moderna (si da poter avere elementi sicuri per il raccordo non solo degli incassi di facciata, su cui si è concentrata l'attenzione del Florescu, ma di tutti gli incassi interni, per perni e cramponi di collegamento), sono i compiti che spettano ormai all'archeologia romena e alle sue scienze ausiliarie.

L'eccezionale merito del Florescu è ancora una volta di aver offerto — partendo dallo studio diretto delle vecchie pietre — preziosissimi elementi nuovi, per fruttuose discussioni e rinnovate ricerche.

GABRIELLA BORDENACHE

СТАМЕН МИХАЙЛОВ, *Относно произхода на ранносредновековната чернолъскава керамика в България (К вопросу о происхождении раннефеодальной чернолощеной керамики в Болгарии)*, «Археология», III, IV, София, 1961, стр. 5—11.

В своей короткой статье Стамен Михайлов пересматривает спорный вопрос о происхождении раннефеодальной чернолощеной (в действительности серолощеной — П. Д.) керамики нижнедунайского происхождения.

Эта категория керамики, украшенной лощеными линиями и, в основном, представленной более или менее шаровидными сосудами без ручек и небольшими кувшинами с трехлопастным горльишком, была известна уже 60 лет тому назад в юго-

восточных областях восточной части СССР. На северном Кавказе, в Донецком бассейне, в Крыму и других областях Советского Союза серую керамику с лощеными линиями всегда находят — как, впрочем, и на Нижнем Дунае — в сочетании с сосудами, вылепленными из теста с примесью песка и чаще всего украшенными горизонтально врезанными линиями.

Обе категории глиняной посуды (серые сосуды и сосуды из теста, смешанного с песком), относя-

шиеся к так называемой Салтово-Маяцкой культуре, датируются в СССР VIII—Х вв.

По мнению некоторых болгарских и румынских исследователей, наличие серых сосудов с лощеными линиями в раннефеодальных поселениях НР Болгарии и РНР объясняется их протоболгарским происхождением.

Это заявление основывается, главным образом, на том, что серые сосуды находят в основном на северо-востоке Болгарии и в прилежащих областях, то есть именно там, где к концу VII в. осели протоболгары. По мнению указанных исследователей, серая керамика, вероятно, была занесена в область Нижнего Дуная из ареала распространения керамики Салтово-Маяцкого типа.

Некоторые исследователи, в частности болгарские, склонны относить к протоболгарам и песочную керамику с врезанными линиями, неизменно сопровождающую серую керамику в северо-восточной Болгарии.

В последнее время ряд румынских и болгарских археологов подвергли сомнению протоболгарское происхождение серой керамики.

К числу их относится и Стамен Михайлов, занимающийся исследованием памятников раннефеодальной и феодальной эпох в южно-дунайских областях.

После краткого обзора вопроса о серой керамике, открытой за последние годы на территории НР Болгарии, он останавливается прежде всего на глиняной посуде из теста с примесью песка, украшенной горизонтально врезанными линиями. Эту категорию керамики, в которой, по мнению Стамена Михайлова, отражается многовековая традиция местных культур, можно связать со славянами лишь постольку, поскольку славяне ею пользовались. В противном случае она должна была бы быть у нескольких народностей, в том числе и у протоболгар.

Что касается серой керамики с лощеными линиями из НР Болгарии, называемой некоторыми Салтовской, Салтово-Маяцкой или протоболгарской, то Стамен Михайлов не сомневается, что ее знали и протоболгары, тем более, что она часто встречается в Приазовье, откуда болгары переселились на Балканский полуостров.

Однако, в то же время Стамен Михайлов спешит добавить, что в Восточной Европе серая керамика с лощеными линиями была известна, по-видимому, и другим народам — гуннам, аланам, хазарам и т.д.

В серой керамике на территории СССР болгарский исследователь видит продолжение традиции глиняных изделий Черняховского типа, а в аналогичной керамике на болгарской земле — отголосок традиции фракийской и провинциально-

римской керамики. Последняя, восходящая к конечному периоду римской империи, документирована находками в южно-дунайских местностях: Лилиаче, Никополе на Дунае, Абрите, Ятре.

Стремясь доказать автохтонное происхождение серой керамики раннефеодальной эпохи, Стамен Михайлов указывает, что такая же керамика, но высшего качества, была широко распространена в IV в. на территории нынешних РНР, ПНР, ВНР и даже в центральной Европе. Выдвигая это предположение, болгарский ученый придает особое значение синтезу культур, осуществившемуся на севере Балканского полуострова между элементами фракийской традиции и элементами позднеримской эпохи.

По мнению того же исследователя, местное происхождение серой керамики с лощеными линиями могло бы быть доказано и находками на поселении «гепидов» в Морешти (РНР), где в VI в. часто встречаются серые глиняные изделия, среди которых особенно интересен сосуд «со сточной трубкой», напоминающий сосуды с такими трубками типа раннефеодальной серой керамики.

В своем стремлении доказать местное происхождение серой керамики Стамен Михайлов прибегает и к неубедительным доводам.

По его мнению, поскольку эта керамика была занесена в нижнедунайские области (прото)болгарами, она должна была бы появиться хотя бы в некоторых местах без сопровождения керамики из теста с примесью песка, украшенной горизонтальными линиями, и это лишь потому, что переселившись на Балканский полуостров (прото)болгары не вошли повсюду и с самого начала в соприкосновение со славянами (если допустить, что последние являются носителями песчаной керамики).

Изложенные в статье тезисы представляют интерес. В известной мере они углубляют содержание дискуссий об автохтонном происхождении серой керамики. Надо подчеркнуть аналогии, проводимые Стаменом Михайловым между серой керамикой с лощеными линиями раннефеодальной эпохи и так называемой «гепидской» серой керамикой из Морешти, датируемой VI в. н.э. Очевидно, что при определении происхождения серой керамики, столь хорошо обоснованной за последнее время в РНР, нельзя заранее пренебрегать вкладом местного населения, тем более, что у него была культура, в некотором смысле более высокая, чем культура пришельцев-славян и, позднее, протоболгар. С этой точки зрения важно с самого же начала внимательно изучить и фракийскую серую керамику.

В подтверждение этого положения, быть может, следовало бы упомянуть и о том, что серая керамика совершенствуется в эпоху, когда протоболгары начинают утрачивать этническую индивидуальность.

Иначе говоря, серая керамика появляется в огромном количестве в X в. (может быть в IX в.), другими словами, как раз когда происходит явление взаимного проникновения болгаро-славянских культурных элементов с преобладанием последних. Это несколько противоречит положению о протоболгарском характере серой керамики с лощеными линиями.

Далее Стамен Михайлов умалчивает о том, что протоболгарскому происхождению серой керамики в НР Болгарии противоречит одно обстоятельство: она появляется в Восточной Европе уже после того, как болгары ушли оттуда на Балканский полуостров. Салтово-Маяцкая культура датируется, самое раннее VIII в., между тем как болгары осели в южно-дунайской области во второй половине VII в.

В статье, написанной со знанием дела, правда и с некоторыми оговорками, автору не удалось окончательно опровергнуть тезиса о болгарском происхождении серой керамики.

Во-первых, болгарскому ученому не удалось установить связующее звено между местной фракийской и провинциально-римской керамикой, с одной стороны, и раннефеодальной серой керамикой, с другой.

Отдавая себе в этом отчет, Стамен Михайлов пытается, к нашему удивлению, доказать любой ценой, что комплекс Нови Пазар и вместе с ним и другие восходят к IV—V вв. В то же время он связывает с сарматами могильник в Нови Пазар. Однако, даже если здесь и встречаются несколько элементов сармато-аланской традиции, то все же, судя по основным элементам, нельзя отнести этот могильник к иранской народности. Что же касается его датировки IV—V вв., на основании более древних монет, то и с ней невозможно согласиться.

Наряду с керамикой в погребениях в Нови Пазар имеется много материалов, характерных для последних веков первого тысячелетия нашей эры.

Поэтому археологический комплекс (следовательно, и могильник в Нови Пазар) надо датировать на основании позднейших, а не древнейших следов. Кроме того, для могильника в Нови Пазар нет — по крайней мере до сих пор — аналогии в сарматском мире IV—V вв.

Во-вторых, Стамен Михайлов даже не задает себе вопрос, почему тип серой керамики преимущественно сосредоточен как раз в областях, первоначально заселенных болгарами. Конечно, мы не упускаем из виду того, что эта керамика не обоснована как раз в эпоху прихода болгар, а также того,

что она почти отсутствует в западной Болгарии, заселенной болгарами в определенный момент. Следовательно, оставив в стороне наши наблюдения, при оспаривании положения о протоболгарском происхождении серой керамики надо учитывать и то обстоятельство, что ареал массивного распространения этой керамики, например в X в., в общих чертах совпадает с границами географической плоскости, на которой проявлялось влияние болгар в первые два-три века после их переселения в область Нижнего Дуная.

В-третьих, сходство между восточноевропейской и нижнедунайской керамикой истолковано неубедительно. Более того, способ трактовки этого основного вопроса для установления происхождения серой керамики порождает справедливое недоумение. Так, допуская, что серая керамика в НР Болгарии (южнославянская приазовская) развилась из местной фракийской и провинциально-римской керамики, болгарский археолог спешит добавить, что тип серой керамики в Восточной Европе происходит от керамики черняховского типа.

Таким образом, следовательно, по мнению Стамена Михайлова, одно и то же культурное явление развивается в одной области из одного фонда, а в другой области — из другого.

Тогда как обобщение данных об основных компонентах серой керамики как в Восточной Европе, так и в нижнедунайской области приводит к выводу, что оба вида зародились в одном и том же культурном фонде.

В данный момент существенно установить, не является ли и нижнедунайская серая керамика скорее продолжением черняховской керамики, чем фракийской и провинциально-римской.

Лишь после выяснения этого вопроса можно будет тщесно спросить, могла ли она развиться в характерной форме и к югу от Дуная.

Но для этого прежде всего необходимо собрать побольше археологического материала и классифицировать его, что, впрочем, рекомендует и Стамен Михайлов.

В заключение надо подчеркнуть, что — с изложенными нами выше оговорками — положения статьи Стамена Михайлова об автохтонном происхождении раннефеодальной серой керамики в области Нижнего Дуная заслуживают внимания, тем более, что они частично опираются на правильные наблюдения общего характера.

ПЕТРЕ ДЬЯКОНУ